

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ СИМБИОЗ БОЕВОГО ОПЫТА, ОТВАГИ
И ЛИТЕРАТУРНОГО МАСТЕРСТВА!

ПРОПАВШИЙ В ДЖУНГЛЯХ

**Николай
ПРОКУДИН**

майор, кавалер двух орденов Красной Звезды

**Александр
ВОЛКОВ**

писатель, публицист, драматург

Николай Прокудин
Пропавший в джунглях

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Прокудин Н. Н.

Пропавший в джунглях / Н. Н. Прокудин — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098827-3

Обстановка в Центральной Америке накалена до предела. Отряды контрас, направляемые американскими инструкторами, регулярно атакуют советско-кубинские базы, расположенные на территории Никарагуа. Для ответного удара штаб ГРУ решает задействовать группу спецназа «Дельфин». В число бойцов входит и бывший «афганец» капитан Станислав Воротин. Группа скрытно нападает на базу контрас и устраивает там настоящий разгром. Но начавшаяся удачно операция внезапно выходит из-под контроля спецназовцев. Они вынуждены отступить... все, кроме пропавшего Воротина...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098827-3

© Прокудин Н. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	12
Воронов и Калитин	12
Готов	15
Даша	17
Тренировка	20
Резкий поворот	22
Москва	24
База	27
Тест на выживание	31
Куба	34
Яхта «Глория»	36
Пираты	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Николай Николаевич Прокудин, Александр Иванович Волков Пропавший в джунглях

© Прокудин Н.Н., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Главные гражданские лидеры FDN, в первую очередь Адольфо Калеро и Артуро Крус, кажется, искренне стремятся к созданию плюралистического демократического общества. Их экономические взгляды, хотя и далеки от воплощения принципов свободного рынка, явно предпочтительнее марксистской политики сандинистов и коррумпированной клептократии режима Сомосы. Большинство бойцов FDN происходят из крестьянского класса. Их вера в демократический капитализм проблематична, но мало что свидетельствует об их желании вернуться к авторитаризму времен Сомосы.

Однако тревожным признаком является повсеместное присутствие чинов Национальной гвардии и полиции Сомосы в военном командовании FDN... Само по себе это, конечно, не доказывает, что контрас стремятся восстановить правую диктатуру. Не каждый солдат и даже офицер Национальной гвардии почитатель Сомосы. Большинство политических лидеров контрас идеологически приемлемы. Но есть тревожная параллель между военными командирами контрас и их визави – сандинистскими команданте. В послереволюционной борьбе за власть умеренные демократические элементы проиграли потому, что марксисты имели больше оружия. Аналогичная проблема возникнет при победе контрас: гражданское руководство может оказаться под контролем военных с опытом сомосизма.

Тед Карпенгер, эксперт Института Катона, июнь 1986

Пролог

Радиолокационная станция «Лена» расположилась на лесистом холме с плоской вершиной недалеко от границы с Гондурасом. Данное место дислокации идеально подходило для контроля пространства, определения координат, скорости и траектории полета воздушных целей на больших дальностях и высотах с высокой разрешающей способностью в условиях интенсивного радиопротиводействия при работе. Об этом регулярно напоминал личному составу начальник базы полковник Арсен Багоев.

Основная проблема, возникшая при строительстве объекта, состояла в полном отсутствии каких-либо коммуникаций в данном районе. Но она была решена за счет близости моря. Рабочие построили пирс для швартовки среднетоннажных судов, а вокруг холма серпантинном проложили дорогу из бетонных плит. По ней и доставили технику, включая несколько зенитных установок «ЗУ-23». Береженого Бог бережет. Мало ли какие вооружения могут поставить контрас американские наставники! Против серьезной авиации эти зенитки не сработают, но с вертолетами очень эффективно могут разобраться, тем более при наличии собственной РЛС.

Сама РЛС была запущена вскоре после завершения подготовки площадки. На ней в установленном порядке разместились три силовых прицепа, столько же аппаратных полуприцепов и антенна. Станция начала работать, но это было полдела и даже четверть такового. Объект следовало серьезно охранять от возможных атак контрас, которые активизировались в последнее время и все чаще нападали на гражданские объекты сандинистов. Граница с Гондурасом близко. Хотя местность покрыта труднопроходимыми лесами, но...

Вот об этом «но» постоянно напоминал Багоев в центре управления, правдами и неправдами выбивал дополнительное оборудование, ресурсы и льготы.

«Мы что, тут пионерский лагерь строим? Нам достаточно натыкали по морде в Афгане за подобное легкомыслие, так вы предлагаете повторно обосраться здесь?»

Полковник воевал в Афганистане и имел большой опыт в построении подобных военных объектов. После ранения и госпиталя его послали в Никарагуа. В радиолокационных системах он разбирался слабо, на уровне общих характеристик, но вот в остальном... Трагические ошибки и разочарования на реальной войне его многому научили, поэтому он любил повторять максимум Марка Аврелия: «Мужайтесь, худшее впереди».

Да, Багоев готовился к худшему.

– Джунгли непролазные. Тоже мне проблема! Да я десяток способов найду, чтобы пролезть через эти джунгли и раздолбать базу к чертовой бабушке. На чем экономите, на жизнях солдат?! – как-то заявил он.

У Багоева, когда он волновался, появлялся легкий кавказский акцент, что веселило сослуживцев. Его говор они часто имитировали, но по-доброму, без злости. На базе Багоев имел непререкаемый авторитет как у своих людей, так и у кубинских камрадов.

В центре управления его слушали, согласно кивали, обещали рассмотреть, обсудить, но просьбы и требования полковника игнорировали. Тогда он позвонил своему сослуживцу, с которым съел пуд соли на войне. Этот его товарищ имел обширные связи в Министерстве обороны, привел в движение некие бюрократические механизмы, и в центр управления пришел соответствующий приказ, где были подтверждены требования Багоева. Никаких разговоров по этому поводу быть не должно. Приказы не обсуждаются.

На базу были поставлены два мощных дизельных генератора, крупнокалиберные пулеметы «Утес», прожекторные установки, приборы ночного видения и много чего другого. А еще сюда дополнительно прибыл взвод охраны. Эту функцию до сих пор осуществляли кубинские камрады. Багоев не особо доверял этим ребятам, хотя относился к ним лояльно и оставил их для осуществления охраны периметра. Запас карман не тянет.

Полковник сразу же отменил всякие временные и легкие постройки, хотя климат позволял довольствоваться ими. Основное здание, где располагались казармы для личного состава, склады продовольствия и боеприпасов, радиорубка и прочие сопутствующие помещения, было построено из кирпича со стенами в метр толщиной и бетонными перекрытиями вместо деревянных балок. Склады располагались в бетонированном подвале, из которого был прорыт подземный ход за пределы периметра. Все двери были покрыты толстыми стальными пластинами и запирались посредством сейфовых замков. Дополнительные генераторы тоже располагались в подвале.

Местные остроумцы окрестили это сооружение цитаделью, что было недалеко от истины. Такое название прижилось, его использовали все, включая самого Багоева.

Периметр территории базы был огражден двумя рядами колючей проволоки, между ними тянулись полосы путанки. По углам стояли укрепленные пулеметные гнезда с «Уте-сами». Кубинцы осуществляли круглосуточное патрулирование внешней стороны периметра и дороги. Там же находились два секрета с пулеметчиком и снайпером. Пирс тоже охраняли кубинцы, а внутреннюю территорию – свои.

Багоев настаивал на минировании подступов за пределами периметра, чтоб все было как надо, но ему отказали, сославшись на возможные провокации и международные скандалы. Полковнику нечего было возразить на это. Он слабо разбирался в местных политических реалиях, если в них не имелось военной составляющей.

– Вы ни хрена не понимаете, дорогие товарищи, – вещал Багоев на партсобрании. – А если электроустановку раздолбают, мы что, должны будем сидеть в темноте, как крысы в канализации?! И все ваши насмешки по поводу капитальных строений гроша ломаного не стоят. Вы еще не испробовали вкус войны и крови. А если моджахеды... тьфу ты, контрас периметр прорвут? У них есть минометы, они даже какую-то артиллерию могут сюда подтянуть. Мы же за толстыми кирпичами с запасами продовольствия и боеприпасов в недосыгаемом для них подвале можем долго и эффективно обороняться. И пускай боевики мастурбируют, пока к нам помощь не подойдет. А подземный ход нужен вовсе не для того, чтобы драпать. Он позволит нам отступить без потерь в случае безнадежной ситуации и продолжить партизанскую борьбу. Поэтому рекомендую прекратить все эти досужие разговорчики, объяснить их бестолковость и вредность всему личному составу, включая кам радов.

Ох, как прав оказался полковник Арсен Багоев!

Группа боевиков высадилась глубокой ночью в километре от пирса. Шли они на весельной шлюпке, поэтому не были замечены с блокпоста, где дежурили кубинцы, вслушиваясь в тишину и периодически шаря прожекторным лучом по поверхности моря.

Туалета на блокпосту не было. Все ходили по нужде в близлежащие заросли. Сержант по имени Энрике, старший на объекте, зашел в кусты, чтобы облегчиться, но так оттуда и не вышел. Последнее, что он почувствовал в этой жизни, это чью-то вонючую руку, заткнувшую рот, и скользящее движение ножа по горлу.

Второго бойца боевики выманили из помещения очень просто. Он услышал лай собаки, высунулся из двери, чтобы полюбопытствовать, что там происходит, и тут же получил прикладом по голове.

Через короткое время в море появились силуэты двух транспортных судов, а потом началась высадка десанта. На берег выгрузился едва ли не батальон с легким стрелковым оружием, крупнокалиберными пулеметами, минометами. Боевики даже броневик умудрились с собой прихватить.

Диверсионная операция планировалась явно не дилетантами. Ломиться через джунгли с вооружением неэффективно по многим причинам, а вот занять причал и десантироваться с моря – совсем другое дело. Потом можно очень быстро добраться до базы по дороге. Главное, все хорошенько продумать.

Но стратеги, разрабатывавшие эту операцию, учли не все. Они не знали, что между блокпостом и базой каждый час происходил радиообмен. В случае отсутствия связи должна быть выпущена зеленая ракета. Мол, говорить не можем, но у нас все в порядке. Или красная, если возникли какие-то серьезные проблемы. Еще они не учли, что базой командует боевой офицер Советской армии полковник Багоев.

Доклада с блокпоста в обозначенное время не было, поэтому сержант из дежурного наряда немедленно разбудил полковника.

– А ракета была? – не успев толком проснуться, спросил Багоев.

– И ракеты не было.

Полковник отреагировал мгновенно:

– Боевая тревога! Всем на связь! Сирену безкоманды не включать, прожектора тоже. –

Он схватил миниатюрную рацию, лежащую на прикроватной тумбочке, и вызвал лейтенанта Максимова, возглавлявшего систему ПВО базы, состоящую из трех зенитных орудий.

– Здесь! – ответил тот.

– Зенитки к воротам, сам знаешь куда. Взять под обстрел дорогу.

Перед воротами в некотором отдалении были заранее оборудованы позиции из бетонных блоков специально для такого случая.

«Даже если это ложная тревога, то пускай потренируются. Но зябко как-то, неспроста все это», – подумал Багоев и продолжил отдавать приказы: – Волохов!

– Слушаю.

– Снайперов и корректировщика на крышу цитадели. Пулеметчиков на огневые точки. Взять с собой приборы ночного видения. Прожектора не включать.

– Слушаюсь.

– Родригес!

– На связи, – прозвучало на ломаном русском.

– Где у тебя передвижной патруль?

– За внешним периметром.

– Немедленно отозвать и рассредоточить на внутреннем. Остальных тоже. Запаситесь гранатами.

– На нас напали? – последовал резонный вопрос.

– Пирс молчит. Выполняйте приказ.

– Есть!

– Взводу РЛС спустить антенну и переместить ее за цитадель. Может быть, целой останется.

– Принято.

В радиации что-то зашуршало.

– «Гнездо-раз» вызывает полковника Багоева.

«Не успел их вызвать, а они уже тут. Да, вот и началось. Я пришел к тебе с приветом, топором и пистолетом», – подумал полковник и почувствовал прилив боевой злости.

– Слушаю.

– Наблюдаем большое движение по дороге и рядом. Много людей и еще броневик.

– Стрелять во все, что шевелится. Притормозите их, чтобы залегли. Выпустите по обойме и бегом сюда. Вы там долго не продержитесь. Займите позицию возле зениток. «Гнездо-два», ответь.

– Здесь.

– Слышали приказ? Выполнять!

– Есть!

– Бокарев!

– Здесь.

– Весь личный состав и обслуживающий персонал переместить в цитадель и занять боевые позиции. Запустить генераторы в подвале.

– Слушаюсь!

Время шло, неминуемая развязка приближалась.

Застучали пулеметы сначала в районе расположения «Гнезда-раз», а потом и «Гнезда-два». Вдалеке раздались взрывы гранат, а потом что-то ухнуло на территории базы. Раздались крики раненых.

«Миномет. Где-то восемьдесят миллиметров, – на слух определил Багоев. – Эх, не все успели спрятаться».

– Медпункт, Квачко!

– На связи.

– Приступить к эвакуации раненых. И аккуратней, не подставляйтесь!

Раздалось еще несколько взрывов, а потом мины посыпались с неба как град. Из глубины леса летели пулеметные и автоматные очереди.

«Плотно стелют, – подумал полковник. – Пора их на место ставить».

– Максимов, в каком состоянии орудия?

– Все в порядке, на месте.

Багоев переместился в радиорубку. Вскоре раздался вой сирены, давящий на психику боевиков, включились прожектора.

Из динамиков раздался голос полковника, слышимый как внутри базы, так и за ее пределами:

– Внимание! Огонь из всех стволов! Давите гадов! – Отдав этот приказ, Багоев связался с центром управления: – На нас напали большими силами. Прошу помощи, – сказал он.

– Помощь ждите к утру, – после длительной паузы ответили ему.

– До утра продержимся, – пообещал полковник, не очень понимая, что такое «к утру».

На войне он признавал только конкретные часы и минуты.

Прожектора высветили дорогу. По ней метрах в ста от ворот двигался броневик в окружении боевиков. По нему дуплетом ударили зенитки. Броневик с пробитой башней подпрыгнул и задымился.

«Капец котенку», – подумал Багоев, наблюдая за происходящим в бинокль.

Застучали «утесы» по углам периметра и от ворот. Пули разбивали в щепки стволы пальм и рвали на куски боевиков, прятавшихся за ними. Застрекотали автоматные очереди. Но вражеские мины продолжали терзать территорию базы. Один прожектор был разбит осколками и погас, но вместо него тут же появился новый.

– Корректировщик, засекай минометные расчеты и наводи артиллерию!

– Товарищ полковник! – на связь вышел Родригес. – Боевики пытаются прорвать периметр. Они соорудили таран из стволов и что-то типа щита. Мы их гасим пулями и гранатами, но они упорно лезут.

– Понял. Поддержим.

Вскоре на крыше цитадели вспыхнул еще один прожектор и высветил участок прорыва. Застучал крупнокалиберный пулемет, пресекая попытку противника проникнуть на базу.

Через некоторое время стрельба утихла, боевики откатились, но минометный обстрел продолжался. Взрывы на территории базы звучали все реже. Зенитки постепенно уменьшали количество вражеских минометных расчетов.

Подмога пришла, когда над морем занялся рассвет. Сначала торпедные катера утопили вражеские транспорты. Следом высадилась пехота регулярной армии сандинистов. Солдаты рассеяли боевиков и преследовали их в лесах.

«У нас теперь другие проблемы, – подумал Багоев, глядя на побитую технику. – Трое убитых и восемь раненых. Хреново. Водки пойти выпить, что ли».

Он прошелся по территории, подсчитывая нанесенный ущерб, потом поднял голову, бросил взгляд на восходящее солнце и понял, что чертовски устал.

Из выступления на собрании лидеров ФДН Хосе Габриэля Гармендиа, команданте Якоба

Сандинисты подло убили моего отца, проповедника, божьего человека, который нес людям добро. Но я готов мстить не за отца, а за всех наших соотечественников, безвинно замученных проклятыми сандинистами. И не только мстить, но и вернуть порядок на нашу землю. Заклятые враги отняли ее у нас. Как там у них, у коммунистов, мы наши, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем. Но они так и остались ничем, то есть настоящим дерьмом. Мы должны вычистить этот сортир, в который они превратили страну.

Но им помогает СССР, мировой рассадник коммунизма. Наша борьба должна распространиться и на них, на этих чужаков, которые, как змеи, заползли в наш дом, поставляют оружие сандинистам, строят свои военные базы. Да, наша попытка разрушить их базу РЛС оказалась неудачной, но мы не должны останавливаться. Нам надо сплотиться и бить врага, чтобы установить демократический порядок. В этом нам помогут наши друзья из США, Аргентины и Израиля.

Из записи беседы представителя МИД Никарагуа и атташе советского посольства

Представитель: Сомоса мертв, но его последователи живы и неуклонно наращивают активность. Их поддерживают индейцы и афроамериканцы с побережья Мискито, имеющие исторический антагонизм к Манагуа. Да и Негропонт, посол США в Гондурасе, тоже не дремлет. Контрас накачивают вооружениями не только янки, но еще и израильтяне. Мы не успеваем противостоять нарастающему давлению, диверсии идут одна за другой, в том числе и на ваших объектах.

Атташе: Я так понимаю, что ваша прелюдия предполагает просьбы о расширении помощи Никарагуа со стороны СССР? Но ведь она и так расширяется. Танки, гаубицы, стрелковое оружие, сеть РЛС, ПВО, даже авиация и вся инфраструктура к ней. Один аэродром в Пунта-Уатэ чего стоит! Самая длинная взлетная полоса в Центральной Америке. Так что ваши претензии к нам несколько неуместны. Я думаю, что они имеют больше политическую подоплеку, нежели военную. Я не прав?

Представитель: Отчасти правы. Сандинистский фронт национального освобождения не монолитная структура. Там много течений и фракций. В последнее время усилились голоса ультралевых. Команданте Ортеге приходится считаться с ними, чтобы не развалить коалицию. Основные силы контрас сосредоточены на территории Гондураса. У нас хватает горячих голов, которые предлагают ударить по штабам и прочим гнездам недобитой сомосовской заразы.

Атташе: Вы предлагаете объявить войну Гондурасу? Смелое заявление. Это ваше право, но Советскому Союзу будет весьма сложно поддержать вас в этом авантюрном начинании, как в военной, так и в политической плоскости. Для вас важнее укреплять государственность, военные и полицейские структуры, чтоб враги не чувствовали себя уютно на вашей территории. А что насчет ослабления ваших врагов, лишения их ресурсов –

для этого нет необходимости начинать войну. Можно наносить точечные удары.

Представитель: Но у нас нет таких специалистов.

Атташе: У вас вполне достаточно наших специалистов по всем направлениям. Они качественно выполняют свою работу.

Представитель: Нам нужны иные специалисты.

Атташе: Я вас понял и доложу начальству о ваших просьбах.

Часть первая

Приготовить абордажные крючья!

Воронов и Калитин

Генерал Степан Калитин просматривал текущую аналитику, когда дежурный офицер доложил ему по громкой связи:

- К вам посетитель, товарищ генерал. Воронов Павел Артемович из аппарата ЦК.
- Пропустить и проводить!

В ГРУ не принято было докладывать высокому начальству о визитерах, к кому бы они ни напрашивались на прием. Дежурные посылали их к специалистам, знающим суть проблемы, либо просто куда подальше. Но о посетителях такого высокого уровня сообщали немедленно.

«Рабочий день начинается с парадоксов, – подумал Калитин и отложил в сторону бумаги. – Я его знаю всю сознательную жизнь, но чтобы он заявился ко мне в кабинет... Стало быть, по службе. Чудны дела твои, Господи!»

Воронов и Калитин дружили с раннего детства, и эта дружба никогда не прерывалась. Их семьи жили в соседних квартирах, в элитном доме на Чистопрудном бульваре. Пока родители делали карьеру, дети были предоставлены сами себе, жили своей школьной и дворовой жизнью. Учились они в одном классе, но потом судьба их развела. Воронов поступил в МГИМО, а Калитин пошел по военной линии. Оба сделали изрядную карьеру, каждый в своей области. Один стал начальником управления ГРУ, а второй возглавил отдел ЦК КПСС. Жизнь развела их по разным углам, потом опять сталкивала, но они никогда не забывали друг о друге, а последнее время регулярно встречались в приватной обстановке, дружили семьями, ходили на охоту и на рыбалку, а порой заваливались вечером в ресторан, чтобы просто поболтать и вспомнить прошлые дела. Но по работе друзья не пересекались никогда.

– Какими судьбами, Паша! – Калитин встал, подошел к Воронову, вошедшему в кабинет, обнял его, похлопал по плечам. – Ты что такой напряженный? Давай по коньячку, и все пройдет, как с белых яблонь дым.

– Потом коньячок, – сказал Воронов. – Сначала поговорим.

– Потом так потом. – Улыбка соскочила с губ Калитина, когда друг уперся в него сосредоточенным взглядом.

Он приказал никого не принимать до особого распоряжения, и они переместились в комнату отдыха.

– Излагай, – сказал генерал, когда мужчины уселись в кресла.

Воронов насупился, некоторое время молчал, сосредотачиваясь с мыслями, потом заговорил:

– Ты, естественно, в курсе того, какая ситуация сложилась в наших пенатах. Черненко на ладан дышит. Кто займет его место в ближайшем будущем, пока непонятно, хотя кандидатур не так уж много, а точнее, две. В Политбюро разброд и шатания, аппаратчики находятся в состоянии ожидания, готовы сорваться с низкого старта, чтобы угодить новому хозяину. Никаких серьезных решений сейчас не принимается. – Воронов сделал небольшую паузу. – Но тема Никарагуа поднималась еще при жизни Юрия Владимировича, потом угасала и вновь возникала, а сейчас назрела и готова лопнуть. – Воронов акцентированно ткнул пальцем в потолок и продолжил: – Люди, которые знают о наших дружеских отношениях, попросили меня провести с тобой неформальные, предварительные консультации, чтобы выработать правильное решение, которое будет принято неминусом и в самое ближайшее время. А дело вот

в чем. Спецслужбы США незаконно, несмотря на санкции, поставляют оружие Ирану, а на вырученные деньги подкармливают контраст стволами, медикаментами и спецоборудованием. Доставка всего этого добра осуществляется на вертолетах с эмблемами Красного Креста, хотя он тут, скорее всего, не при делах. Есть там такая организация, Никарагуанские демократические силы, сокращенно ФДН. Планы этой конторы по захвату территорий провалились, началась диверсионная война...

– Не надо политинформаций, Паша, – перебил его генерал. – Об этом мы лучше вас информированы. Информацию получаем напрямую от людей Ленина Серны. Вот так! Ленин да еще Серна. Он возглавляет госбезопасность Никарагуа. У него приличная агентурная сеть в Гондурасе и не только. Правда, у этого Ленина Серны есть идеологические расхождения с Ортегой по методике построения коммунизма, но это больше по вашей части.

– Это точно! – Воронов на некоторое время задумался, потом продолжил: – По вашим же данным, в начале восьмидесят второго года численность контраст составляла около двух тысяч. В ноябре восьмидесят третьего их количество увеличилось до десяти тысяч, а сейчас стало еще больше. Плодятся как крысы на помойке. Раньше они терзали только местные объекты, а теперь начали нападать и на наши, в частности на РЛС и ремонтные базы. При этом вооружены до зубов. Базируются в основном на территории Гондураса, там же и вооружаются с помощью наших заклятых друзей. Ты наверняка в курсе. Гражданскую войну мы, конечно, не остановим, но надо попытаться ликвидировать источники поступления оружия для контраст, помочь ортеговским мальчикам справиться с напастью. Что ты думаешь по этому поводу? – Воронов посмотрел на генерала.

Тот достал папиросу, медленно закурил и выпустил несколько колец дыма, которые нанизывались друг на друга. В юности, когда они только начали приобщаться к курению, высшим шиком считалось умение пускать дым кольцами. Друзья долго и упорно отработывали этот немудреный трюк.

– Не потерял класс, – сказал Воронов и усмехнулся, глядя на воздушный танец колец.

– Мастерство не пропьешь, – глубокомысленно изрек генерал. – Ладно. – Он ткнул папиросой в пепельницу, не выкурив и половины. – Что я думаю. За что боролись, на то и напоролись. У них политические режимы меняются как нижнее белье в бане. А топят ее регулярно, начиная с середины века, а то и раньше. Никарагуа, Гондурас, Сальвадор – гнездо нестабильности. То демократия, то диктатура, национализация, приватизация, местами переходящие в хаос. Моралес, Вильеда, Сомоса, Ортега! Все они – сукины сыны. Главное в том, чьи именно. В Никарагуа теперь сидит наш сукин сын, а в Гондурасе – американский. Нет никакой гарантии того, что слагаемые завтра не поменяются местами при неизменной сумме. Поэтому создавать нечто капитальное, долговечное в этих зыбких местах – деньги на ветер и сплошное разочарование. Не все это понимают. Кое-кто там, наверху, пытается инициировать новую волну мировой революции, пардон, построение социализма в отдельно взятых странах. Не везде, но в большинстве случаев это заканчивается лозунгами и призывами. Очередная элита с обезьяньим усердием имитирует завоевания проснувшегося народа, цитирует Маркса и Ленина, при этом тотально разворовывает средства, выделенные на этот самый социализм. А начинаешь контролировать, подавливать по-взрослому, так они тут же перекарасятся в демократов и присосутся к другой кормушке, где их никто особо не контролирует. Даниэль Ортега – редкий случай. Этот романтик действовал в полном соответствии с революционными традициями. Он ограбил местное отделение Бэнк оф Нью-Йорк, чтобы поиметь средства на нужды революции, а потом, будучи посаженным в кутузку, писал пламенные стихи. Но это по молодости. Впрочем, он и сейчас очень даже не старый. В кого этот человек трансформируется в будущем – загадка века. Может быть, не только этого, но и следующего.

При этом наркобароны гонят кокаин по всему материка независимо от социального строя. Все хотят идти своим путем, сидеть на двух стульях и сосать сразу два вымени, а то и

больше. Впрочем, это не наш уровень и не наша компетенция. Наше дело бить врага на его территории, пока нам позволяют это делать.

– Крамольник ты, Степан, – заявил Воронов и изобразил на лице грустную улыбку. – Не боишься такое говорить?

– Так я же не в телевизоре выступаю и не на партсобрании. Мы реалисты, практики и циники. Если бы мы руководствовались только идеологическими догмами, то толку бы с нас было как с козла молока. Это вы там постоянно сверяете свои действия с идеями классиков марксизма-ленинизма. У нас свои классики. Мы используем разные технологии в борьбе с мировым империализмом. Богу богово. Надеюсь, ты не будешь информировать начальство об этой части нашей беседы?

– А по сопатке не хочешь словить? – Глаза у Воронова потемнели, он явно недооценил подначку генерала.

– Ладно, не ершись. С языка слетело, – отмахнулся Калитин. – С волками жить, по волчьи выть. Профессиональная деформация. А что по поводу никарагуанской темы... Есть у контрабанды большой склад вооружений в Гондурасе недалеко от границы, рядом с городом... Впрочем, не важно. Название узнаешь потом. Там портовый терминал в заливишке. Вот по воде оружие и гонят, а потом переправляют на склад. Чего там только нет, даже бронетранспортеры и гаубицы! Оттуда и снабжаются боевики. Надо бы взорвать его к чертовой матери, устроить фейерверк. Это сильно охладит пыл боевиков и их кураторов. Склад хорошо охраняется, и добраться до него будет нелегко, но если партия прикажет... – Генерал усмехнулся собственным мыслям. – Детального плана объекта и системы охраны мы в наличии не имеем, располагаем только общей информацией. С этим придется разбираться на месте. Впрочем, возможны варианты. Я подготовлю подробные материалы на эту тему и передам, куда скажешь. А вы уж решайте. Будет приказ моего начальства – начнем работать. Убили тему?

– Зачали тему.

Напряжение спало.

Воронов расслабленно откинулся на спинку кресла, тоже потянулся за папиросой и сказал:

– А помнишь, как мы мечтали стать космонавтами и рвались на комсомольские стройки? Издержки молодости. А теперь превратились в прагматичных циников. Да и вообще... – Он безнадежно махнул рукой.

– Тогда мы горели неугасимым огнем в предчувствии светлого будущего, – заявил генерал. – А потом романтизм и энтузиазм из нас выбили родители и государство. Тебя партийный папаша чуть ли не пинками затолкал в райком комсомола, а меня дед-генерал направил в военное училище. Он сказал, что только армия делает из нелюдей людей, но при этом усмехнулся и добавил, что вовсе не меня имеет в виду. Наверное, Господь и создал нас смертными именно потому, что мы с возрастом все упрощаем и уже не способны совершать те глупости и ошибки, которые как раз и двигают эволюцию. Ладно, Паша, закончим с философией. Давай лучше выпьем по соточке коньяка, а то мы уже совсем запудрили друг другу мозги. – Генерал подошел к дверце сейфа, встроенного в стену, открыл его двумя ключами, выставил на стол бутылку армянского коньяка, две металлические стопки и тарелочку с изюмом. – Лимона нет, зажем вот этим. За романтиков!

Друзья чокнулись и выпили.

Через слегка раздернутые шторы проникали солнечные лучи, радуя глаз и возрождая призрачные надежды на лучшее. Погода налаживалась. Проснувшаяся муха забила о стекло, прорываясь к свободе.

Воронов ушел. Калитин взялся за бумаги, отложенные ранее, но вновь отбросил их в сторону и задумался. Жизнь подбрасывает новые задачки, и никуда от этого не деться.

ГЛОТОВ

Станислав Глотов расслабленно лежал на камнях дикого пляжа и лишь иногда подергивался, отгонял от себя назойливых насекомых. Дул легкий ветерок.

Впрочем, в Балаклавской бухте, прикрытой со всех сторон горами, сильных ветров не бывает, как и штормов. Именно поэтому она на протяжении многих веков служила убежищем для бандитов и пиратов всех мастей. Здесь можно было отсидеться, отремонтировать поврежденный рангоут, такелаж, запастись провизией, а также отбиться от врагов, если установить пушки или построить форт на высотах возле узкой горловины. Бухта в своей истории много раз переходила из рук в руки: тавры, греки, римляне, османы, русские... На данный момент здесь обосновалась база подводных лодок, секретный объект 825ГТС.

Капитан Глотов служил инструктором в учебном центре боевых пловцов, учил молодежь приемам рукопашного боя, в чем изрядно поднаторел, причем не только в спортивных залах, но и в реальных боевых операциях.

Начальство перевело его сюда в наказание за грехи, допущенные на предыдущем месте службы – в спецназе ГРУ. Здесь работа ни разу не пыльная, синекура, полно свободного времени, но скукотища! Он привык к рваному ритму жизни. Приказ – низкий старт – прыжок в неизвестность. А тут все размеренно и предсказуемо, «жизнь течет меж пальчиков паутинкой тонкою».

Местные жители принимали Глотова за уроженца солнечного Кавказа – смуглая кожа, черные волосы, нос с горбинкой. Но они ошибались. Мать капитана была чистокровной испанкой, жертвой гражданской войны в Испании, завезенной в СССР в малолетнем возрасте. Поэтому он хорошо, без всякого акцента говорил по-испански.

Это было отмечено в личном деле офицера – может, и пригодиться при случае. Но пока не пригодились. В Афганистане, где Глотов отвоевал два года, нужно было знание пушту или дари, которые он освоил на уровне армейского разговорника: принеси, подай, руки вверх. А потом его перевели в Балаклаву.

Этот кусок побережья нравился Глотову именно своей неустроенностью, дикостью. А еще отсюда открывался прекрасный вид на гору Кастрон с крепостью Чембало, построенной генуэзцами в Средние века. Он любил лазить по этим развалинам и как человек военный прикидывал, как бы сам организовал оборону этой цитадели. Позднее, прочитав о взятии Чембало османами, капитан плевался от тактической безграмотности генуэзцев.

Крик чаек вывел Глотова из состояния полудремы, и он вспомнил об ухе, которая варилась на костерке, горевшем неподалеку. Он снял котелок с огня и поставил его рядом с пляжным полотенцем. Тут же, на газетке, расположилась всевозможная снедь: овощи, криво нарезанный хлеб, деликатесы из вареных крабов и креветок. Над ними возвышалась бутылка сухого красного вина, разумеется, местного, крымского. Судя по количеству тарелок и стаканчиков, Глотов явно кого-то ждал.

Вскоре на фоне крепости появилась стройная фигурка. Девушку звали Даша, она работала библиотекарем. Глотов был с ней знаком уже больше года, но отношения всерьез не складывались. Они нравились друг другу, регулярно встречались, но дорожили личной свободой, поэтому о совместном проживании или женитьбе речь не шла. Может быть, Глотов и уговорил бы девушку стать его женой, но он и не пытался, ссылаясь в своих размышлениях об этом на беспокойную и непредсказуемую жизнь спецназовца. Свою синекуру в Крыму он воспринимал как явление временное, некую отсидку за прошлые грехи в преддверии новых и опасных приключений. Потом пошлют его куда-нибудь в Центральную Африку, прикажут приучать негров к социализму, и Даша подолгу будет оставаться одна. Если Стас вообще выживет.

Девушка подошла, уселась возле костра прямо на камни, подобрала под себя загорелые точеные ноги. На ней был цветастый, весьма легкомысленный халатик, а на голове повязана красная косынка.

– Привет Красной шапочке от Серого Волка, – сказал подруге Глотов. – Прошу к столу. Чем богаты, то и жрем.

– И запиваем уху красным вином. Феерично! – со смехом воскликнула Даша.

– И закусьваем морскими гадами, – добавил Глотов.

– Хорошо, что хоть не лягушками, как французы, – сказала Даша, придавая импровизированному столу более-менее привлекательный вид.

Она разлила уху по мискам. Стас откупорил бутылку. Они чокнулись и выпили.

– А я голодная, – заявила девушка, с удовольствием уписывая уху. – У нас столовую, которая напротив, закрыли на ремонт. Я как-то не подумала об этом и весь день клала зубы на библиотечную полку.

Даша жила одна, отдельно от родителей, в частном доме, доставшемся ей в наследство от бабушки, не утруждала себя готовкой и обедала в столовой.

– А у тебя сегодня выходной? – поинтересовалась она.

– У меня не бывает выходных, лишь увольнения и отпуска. Но сейчас я на работе. Мою группу задействовали в морских учениях, а я занимаюсь самообразованием, повышаю профессиональный уровень. По крайней мере, так считает начальство.

– Хорошо живет на свете Винни-Пух, – пропела Даша.

– Да я и сам удивляюсь, – сказал Глотов, наклонился к девушке и мягко поцеловал ее в губы.

Она ответила ему. Поцелуй растянулся на несколько минут. Глотов попытался повалить ее на камни, но девушка воспротивилась.

– Не дури. Сегодня ночуем у меня. Там и оттянешься. – Она оценивающе посмотрела на поджарую, мускулистую фигуру капитана.

– Слушаю и повинуюсь. Пойдем, окунемся, а то сонливость какая-то одолевает после еды. Вскоре они уже бултыхались в водах залива.

Даша

С Дашей Глотов познакомился в библиотеке, куда пришел почитать что-нибудь из истории Балаклавы. За столом для приема посетителей никого не наблюдалось. Он проник в глубь помещения, где обнаружил миниатюрную белобрысую девчонку в очках, стоящую на стремянке и переставлявшую на полках какие-то книги. Короткая юбка, стройные загорелые ноги, белые трусики. Глотов кашлянул, чтобы привлечь ее внимание.

– Я сейчас, – проговорила девушка, не оборачиваясь. – Одну минутку. – Она слезла со стремянки, слегка покраснела, одернула юбку и жестом пригласила Глотова к столу.

Пока Стас объяснял библиотекарше, зачем он, собственно, сюда пришел, она с интересом рассматривала молодого мужчину с экзотичной внешностью, сразу оценила его статную фигуру и звериную грацию.

– Меня зовут Даша, – представилась библиотекарша.

– А по отчеству? – с серьезным видом спросил Глотов.

Его насмешила нарочитая строгость этой девчонки, которой было едва за двадцать.

– По отчеству Васильевна, но это не обязательно. Можно просто Даша.

– Меня зовут Станислав, Стас. А зачем вы носите очки с простыми стеклами? – Глотову стало весело.

Девчонка смутилась и машинально поправила очки.

– Ну... это... Они модные. И для солидности.

– Солидность не в очках, а в голове, – менторским тоном изрек Глотов.

– Вы такой авантажный да еще афористичный, – ехидно заметила Даша, сняла очки и спросила: – Так вам больше нравится?

– Нет. В очках лучше.

Даша вновь нацепила очки и с трудом напустила на себя серьезность. Этот мужчина ее раздражал и притягивал одновременно.

– Вот список литературы по интересующему вас вопросу. Выберите то, что понравится, а я потом принесу.

– Так принесите сразу все – чего тут выбирать.

– Так их же много!

– А я помогу. Вы, главное, с лесенки их подавайте. Вы на ней очень сексуально выглядите, – проговорил Глотов, состряпав деловитую мину на лице.

– Тогда уж сами. У меня есть указка. Я буду направлять ее на нужные книжки, а вы – снимать. Только лестницу не сломайте – она денег стоит.

– А я оплачу. Могу вперед.

– Вы такой богатый. Наверное, грузин, мандаринами на рынке торгуете?

– Скорее испанец. А вы националистка? – Глотов никак не мог себя остановить, чтобы очередной раз не подначить ее.

Девушка огрызалась. Они никак не могли поставить точку в этой затянувшейся дуэли, явно нравились друг другу, но их как будто бес попутал.

– Ба! Испанец! Вы и говорить по-испански можете? – Даша примолкла в ожидании ответа.

– Да легко! *Su belleza, muchacha, no es compatible con su por la crueldad.*

– И что это значит? – Даша оторопела.

– А вы в словарях поройтесь. Здесь же наверняка есть испано-русский словарь.

– И все-таки? – Она сгорала от нетерпения.

– Ваша красота, сеньорита, несовместима с вашей жестокостью.

В этот день они расстались, обменявшись очередными колкостями и взглядами неутоленного желания.

С этого дня Глотов регулярно стал наведываться в библиотеку.

Он каждый раз заказывал «Преступление и наказание» Достоевского и, прочитав страницу, всегда говорил одну и ту же фразу:

– Ну и мерзавец был этот Раскольников.

После очередной словесной дуэли Стас покидал библиотеку, но неминуемо возвращался через несколько дней.

– Ну и мерзавец был этот Раскольников.

Они подчеркнуто называли друг друга на «вы», хамили исключительно вежливо, не повышая голоса. Их отношения двигались по какой-то замкнутой траектории, и никто не решался сделать шаг на сближение. Но жизнь полна парадоксов, софизмов и самых неожиданных поворотов.

Как-то раз Глотов шел вечером по городу и услышал музыку. Он, сам не зная зачем, устремился на звук, как бабочка на огонь, и попал на дискотеку. Стас не жаловал подобные мероприятия, предпочитал рестораны с живой музыкой. Но уж коль пришел...

Глотов купил входной билет, вошел в танцзал и стал с интересом наблюдать за парами, вихляющимися под пластинки. Внезапно он увидел Дашу. Без очков, в нарядном расклешенном платье, с умело наложенным макияжем и распущенными волосами она выглядела великолепно.

«Дюймовочка», – подумал Глотов и стал за ней наблюдать.

К Даше подошел какой-то парень в рубашке с обезьянами и брюках в обтяжку. Он пытался пригласить ее на танец, но девушка ему упорно отказывала. Кавалер был настойчив, положил руки ей на плечи, но Даша брезгливо сбросила их и что-то сказала. Глотов знал Дашин характер и не сомневался в том, что эти слова были очень неприятными для этого типа. Он вновь схватил ее за руку. К ним подошли двое парней. Видимо, это были приятели назойливого кавалера.

Тут Глотова посетила неожиданная мысль:

«Да она же моя девчонка, а тут к ней какая-то шпана пристаёт!»

Он подошел к Даше, мягко оттеснил в сторону ухажера и кивнул по-гусарски, приглашая ее на медленный танец. Девушка, не раздумывая, обвила его шею руками, и они затерялись среди танцующих пар.

– Это ваш парень? – спросил Глотов с заметным напряжением в голосе.

– Нет, конечно, – сказала Даша. – Это Гоша. Вместе в школе учились. Он еще там ко мне приставал. А тут возомнил себя круче, чем навозная куча, руки начал распускать. И дружки у него такие же. Не берите в голову. Только будьте с ними поосторожней. Могут прицепиться после дискотеки и избить. Они такие.

Девушка ровным счетом ничего не знала о роде занятий Глотова. Разогнать компанию архаровцев для него являлось разве что развлечением, но ему нравилось, что Даша беспокоилась о нем. А потом она прижалась к нему всем телом, и капитан понял, что стена непонимания сломлена.

Когда, натавцевавшись, они покинули дом культуры, на улице их уже ждали пять парней не хилого сложения во главе с Гошей. Даша сразу же осознала опасность. Не для себя, а для Глотова.

– Стасик, давай вернемся и вызовем милицию. Они же тебя покалечат.

«Она перестала мне выкать и назвала меня Стасиком, – с восторгом подумал Глотов. – Надо побыстрее с этой шпаной разобраться, пока милиция не только за ними, но и за мной не приехала. Эх, не люблю я с гражданскими биться. Ладно, постараюсь. Только драться надо вдумчиво, а не на рефlekсах. Не стоит махать кулаками и ногами куда попало. Сломаю пару

челюстей и ребер. Им этого сполна хватит. Лишь бы ножей не применяли – тогда придется ломать их всерьез. Поехали! Вперед под танки!»

– Постой около входа. Я освобожусь через пару минут, – сказал Глотов.

Даша остановилась. Ее глаза были наполнены страхом.

Глотов какой-то игривой походкой направился в сторону компании, ожидавшей его.

– Эй ты, кентяра! – развязным голосом проговорил Гоша, явно провоцируя чужака. – Чурка черножопая, а на русских девок зарисься. Тебя надо поучить, чтоб неповадно было. Что, уже обмочился?

«Он у них главный. Надо вырубить его, тогда, может, остальные успокоятся».

Глотов подошел к компании, сложил ладонь в «клюв» и резко ударил Гошу аккурат в солнечное сплетение. Тот согнулся пополам и начал, подвивая, качаться из стороны в сторону.

Остальные со всех сторон набросились на Глотова. Началась, казалось бы, бессистемная уличная драка. Но это с точки зрения стороннего неискушенного наблюдателя. Капитан ловко уходил от ударов, а его противники регулярно получали то в челюсть, то в нос или стопой по колену, что вызывало болевой шок, отключающий ногу.

– Вася, помоги Гоше, – сказал один из зрителей своему соседу. – Ты же ВДВ.

– Я ВДВ, но не дурак, – ответил тот. – Это профи работает. Он с этими сязками просто дурака валяет. А меня сразу же почует и вырубит по-взрослому.

Драка тем временем продолжалась.

«Так, этот уже не боец, а этому сейчас вот так, кулаком в лоб, и прости-прощай. Оба-на!»

Глотов получил скользкий удар дубинкой по левой скуле, пнул супостата в область печени, отобрал у него оружие. Взмах влево, потом вправо.

«Только не по зашивку. По руке. Нормально».

Один его противник скорчился со сломанной ключицей, а второй, всхлипывая, баюкал предплечье.

Подъехал милицейский «газик». Видимо, стражи порядка хорошо знали дискотечные нравы и дежурили неподалеку. Глотов стоял, сложив руки на груди бубликом, в окружении поверженных противников и восторженных зрителей.

К нему подошел милицейский сержант и попросил предъявить документы.

Взглянув на служебное удостоверение, сержант козырнул и осведомился:

– Вы их не сильно, товарищ капитан?

– Да так, поучил слегка, – ответил Глотов, ощупывая пораненную скулу.

– Знаем мы эту шпану. Заберем, пускай ночь в обезьяннике посидят, ума наберутся.

Глотов подошел к Даше, которая находилась в состоянии ступора и только моргала.

– Ну вот, как и обещал. Освободился через пару минут. Нет, через пять – милиция вмешалась. Пошли.

– Ты кто? – спросила Даша, очнувшись. – Где ты так драться научился?

– Капитан Советской армии Станислав Глотов. Прошу любить и жаловать.

– Так ты военный? С базы? А я все думала, чего это меня к тебе так тянет. Женщин всегда привлекали мундиры. – Она чмокнула его в щеку.

Замкнутый круг был разорван. Их отношения вышли на новый уровень.

Тренировка

Утром, после бурной ночи у Даши, Глотов явился на тренировку со здоровенным фингалом под глазом, построил группу и начал доводить до личного состава тему занятий:

– Сегодня мы будем отрабатывать приемы на противоходе, то есть умение побеждать противника, используя его собственную силу...

Внезапно до его слуха долетел легкий смешок. Глотов машинально провел рукой под глазом, сразу же оценил причину веселья и посмотрел на Владимира Шебзухова, джигита из солнечной Карачаево-Черкесии. Тот тут же соорудил серьезную мину на лице, но его поддержал Коля Корнелюк. Этот парень был родом из Краснодара и причислял себя к славному кубанскому казачеству. Он и не пытался скрыть ироническую ухмылку.

Капитан не принадлежал к породе флотских, а относился к пехтуре, пусть и спецназовской. Посему эта парочка инсургентов смотрели на своего инструктора несколько свысока, считали его чужим, пришлым и не упускали возможности уколоть, унижить Глотова. Но делали они это не явно, косвенно, поэтому придраться было не к чему.

– Ко мне есть какие-то вопросы? – полюбопытствовал Глотов.

– Разрешите мне, товарищ капитан. – Шебзухов сделал шаг вперед. – А вам на противоходе в глаз засветили? Или на отходе?

Раздались смешки, в строю начались шевеления.

– Я пропустил удар дубиной по касательной, – не моргнув глазом, ответил Глотов. – Еще вопросы?

– Есть. – На сей раз подал голос Корнелюк. – Товарищ капитан, а почему вы никогда не участвуете в спаррингах, только показываете, а реально не деретесь? А схватились где-то с кем-то, так сразу блямба под глазом. Я не спорю, что теоретически вы подготовлены серьезно, а вот на практике...

– А на практике у меня в основном получают трупы, – жестко перебил его Глотов.

Он действительно не стремился спарринговать с учениками, считал более эффективным на данном этапе подготовки наблюдать схватки со стороны и акцентировать внимание учеников на их ошибках. Но тут был особый случай. Немедленно нужно восстановить статус-кво, и никак иначе!

– Лейтенант Шебзухов, лейтенант Корнелюк, на татами! Оба. Двое на одного. Если хотите, то можете еще и третьего прихватить – мне без разницы. Драться в полную силу! Ну и что застыли как статуи?

Они замерли метрах в пяти друг против друга. Лейтенанты сразу же приняли боевую стойку, а капитан так и остался стоять с опущенными руками. Внезапно он сделал кувырок вперед, выпрямляясь, мазнул «кошачьей лапой» по глазам Шебзухова, увернулся от удара Корнелюка, поймал его именно на противоходе, впечатал в ковер и взял руку на излом. Финиталья комедия. Схватка длилась около пяти секунд. Шебзухов поскуливал, схватившись за глаза. Корнелюк подвывал с заломленной рукой, хлопая другой по татами.

Строй ахнул:

– Класс!

– Ни хрена себе...

А Глотов заговорил вежливым менторским тоном:

– Вы сейчас наблюдали почти реальную сшибку. Почти, потому что в реальной я бы выбил Шебзухову оба глаза, а Корнелюку сломал кость, а потом добил. – Капитан подержал руку лихого казака, отчего тот взвыл от боли, а потом обозначил удар ребром ладони по загривку. – Со сломанными позвонками редко кто выживает, разве что змея. Шебзухов, иди, промой глаза, сходи в санчасть, и на сегодня свободен. Корнелюк, в строй! – Он обвел взглядом

притихших учеников. – Выровнять шеренгу. Смирно! Вольно. Теперь делаем разбор полетов. Вы видели, что я выглядел расслабленным, не готовым к схватке, а потом внезапно напал. Прикинься слабым, немощным, подавленным, но не теряй концентрации, а потом бей насмерть. Отсюда выводы. Нельзя недооценивать противника. Последним смеется тот, кто нападает первым. Я Корнелюка поймал как раз на противоходе, что является темой наших сегодняшних занятий. А что насчет «кошачьей лапы», то это из арсенала системы Смерш-ГРУ. Мы до этого еще дойдем. Там большинство приемов направлены на то, чтобы как минимум покалечить противника, а в основном на то, чтобы убить его. Именно поэтому у меня синяк под глазом. Я не применяю свои навыки против гражданского населения и вам не советую во избежание трагических случаев.

Готов вспомнил про сослуживца, который повздорил с каким-то бугаем в ресторане. Тот раздухарился перед девками, вызвал его на поединок, мол, давай выйдем на улицу, поговорим. Сослуживец был с девушкой и тоже не хотел потерять лицо. Бой длился недолго, вернее, ограничился одним ударом – товарищ вбил бугаю кадык в глотку. Тот выжил, но всю оставшуюся жизнь был обречен говорить сиплым голосом. Он оказался сыном какого партийного деятеля. Скандал с трудом замяли, а сослуживца перевели в другую часть.

– Есть еще желающие поспарринговать со мной? Только я ведь не буду имитировать.

В ответ последовало гробовое молчание.

– Ну вот и хорошо. Продолжим занятия.

Это случай быстро стал известен всему личному составу базы. Над Шебзуховым и Корнелюком моряки подсмеивались, а авторитет Глотова вырос до небес.

Дошла эта история и до начальства.

– Так с ними и надо, – сказал Стасу при встрече командир учебного центра. – Нечего цацкаться, враг не будет миндальничать, но все-таки поаккуратней, товарищ капитан. Покалечишь бойцов, и некому воевать будет.

Через несколько дней к Глову, смущаясь, подошел Шебзухов.

– Разрешите обратиться, товарищ капитан?

– Разрешаю.

– Мы были не правы, товарищ капитан. Приносим свои извинения. – Шебзухов моргнул пару раз.

Готов это заметил и спросил:

– С глазами все в порядке?

– В порядке. Капли покапал пару дней. Спасибо, что не выбили. – С чувством юмора у лейтенанта было все в порядке.

– Пожалуйста. А извиняться не надо. Это дополнительный жизненный опыт, и не более того. – Готов сделал небольшую паузу. – У меня будет просьба к вам с Корнелюком. Я вот вас учу. Может быть, и вы меня поучите подводному плаванию и всяким там вашим штучкам-дрючкам? Вне службы.

– Да без проблем, товарищ капитан. Можем начать хоть сегодня.

Офицеры рьяно взялись за обучение. Готов в конце концов сдал зачет и приобрел морскую военную специальность боевого пловца.

Резкий поворот

День угасал. С залива потянуло прохладой. Костер давно потух. Даша собрала остатки еды в газету, и Глотов закопал их в песке возле скал. Истошно кричали чайки, заглушая гудки кораблей и как бы предвосхищая близость перемен.

– Ну что, двинули, – предложила Даша. – Ко мне.

– А может быть, сначала в какой-нибудь кабак завалимся?

– В таком виде? – Девушка бросила взгляд на свой помятый халатик. – Не хочу. Да туда сейчас и не прорвешься – все места заняты. Пошлико мне.

Всю ночь они наслаждались друг другом, засыпали, просыпались и вновь сливались в сладостных объятиях.

А потом наступило утро, хмурое вовсе не из-за погоды. Их разбудил резкий звонок в дверь. Даша накинула халатик и пошла открывать.

– Это к тебе. Там, на веранде, – изумленно пробормотала она.

Глотов натянул трусы и вышел на веранду. Там переминался с ноги на ногу посыльный из штаба.

– Извините, товарищ капитан. Вас срочно к командиру базы.

– Базы?! Не учебного центра? Ты не ошибся, боец?

– Нет, базы, прямо к генералу. Еле вас нашли.

– Лучше бы не нашли.

– Нельзя было не найти.

– Что там стряслось? – настороженно спросил Глотов.

– Не знаю. – Посыльный пожал плечами. – Но что-то срочное, связанное с Москвой.

В генеральской приемной сидели несколько офицеров из различных служб.

Но едва адъютант увидел капитана, он тут же махнул рукой в сторону двери и заявил:

– Вы следующий.

Офицеры, имеющие большие звезды на погонах, а то и полковничью папаху на голове, недоуменно посмотрели друг на друга и пожали плечами. Буквально через минуту из генеральского кабинета вывалился взъерошенный майор, видимо, получивший изрядную взбучку, и адъютант запустил туда Стаса.

– Товарищ генерал, капитан Глотов по вашему приказанию прибыл.

– Присаживайтесь, Глотов. – Генерал на несколько секунд задумался. – Тут пришел приказ от министра. Он секретный. Читать вам его не положено, да и не нужно. Все, что надо, вы узнаете на месте. Начальство требует откомандировать вас в Москву, в распоряжение генерала Калитина. Так сказать, по принадлежности. В детали меня не посвящали, но могу вам сказать две существенные вещи. Во-первых, вы будете назначены командиром группы, которой придется работать за пределами периметра. И второе, еще более важное. На это дано указание непосредственно из Политбюро. Я, конечно, против того, что у меня забирают таких классных специалистов, как вы. Но у меня не тот уровень – я даже вякнуть не рискнул. Короче, выправляйте командировочные документы и пулей в Москву, в Генштаб. Я уже распорядился. Полетите на транспортном самолете. Он отбывает через три часа. Соберите все необходимое и отправляйтесь. Машину я выделю. Удачи вам, товарищ капитан.

– Служу Советскому Союзу!

Глотов понял, что в его судьбе наметился очередной резкий поворот. Но он был к этому готов.

Трясаясь в самолете, Готов вспомнил заплаканные глаза Даши. Перед отбытием на аэродром он заехал за ней в библиотеку. Она что-то упорно доказывала парочке пенсионного возраста, сидящей напротив. Заметив Глотова, девушка извинилась, попросила посетителей подождать и отвела его в служебную комнату.

– Ты куда-то уезжаешь? – Она уперлась в него требовательным вопрошающим взглядом. В ее расширенных зрачках плавала тревога.

– Как ты догадалась? – спросил Готов.

– Мысли у тебя где-то там, за горизонтом. Ты уже не здесь, не со мной.

– Пока с тобой. Но отбываю совсем скоро. Сначала в Москву, а потом черт знает куда.

За периметр, как выразился генерал. – Готов усмехнулся.

– За какой такой периметр?

– За периметр СССР.

– Это шутка? Тебя посылают на войну, опять в Афган? Там же убивают! – Губы у Даши мелко задрожали, в глазах появились слезы.

– Не в Афган – там и без меня справляются. Но точно не на курорт.

– И когда тебя ждать обратно?

– Лучше не жди. Жив останусь, так сам нарисуюсь, – сказал Готов, обнял девушку и погладил ее по голове.

Она всхлипнула, а потом зарыдала во весь голос:

– Дурак! Ты не понимаешь, что я тебя люблю! Да и я тоже хороша, изображала из себя какую-то чопорную куклу, играла в независимость. Возвращайся быстрее, Стасик, я тебя буду ждать, мне плохо без тебя, пусто, бессмысленно... – Даша коснулась мокрым лицом его щеки, а потом начала неистово целовать.

Такое бурное проявление чувств по отношению к себе Готов испытывал впервые.

– А письма тебе можно писать? – спросила она, слегка успокоившись.

– Пиши. – Готов пожал плечами. – Адрес я вышлю. Может быть, какие-нибудь и дойдут.

Но отвечать не обещаю.

– Ответишь, когда здесь окажешься. Только вернись.

– Мне пора, – заявил он, еще раз поцеловал девушку, резко развернулся и направился к выходу.

«А ведь и я ее тоже люблю, – подумал Готов, глядя в иллюминатор, на землю, покрытую облаками. – Что имеем, не храним, потерявши, плачем.»

Москва

Военный аэродром под Москвой встретил его хмурым небом и мелким дождем. В отличие от Крыма здесь было весьма прохладно.

У трапа Глотова встретил флотский офицер, кап-три, судя по погонам. Невдалеке, прямо на взлетной полосе стояла черная «Волга».

«Прием по первому разряду, разве что почетного караула и духового оркестра недостает», – подумал Стас.

Капитан спецназа ГРУ не привык к подобному обращению. Это вызывало у него чувство неуверенности и внутренней скованности.

– Капитан Глов? Ваше удостоверение?.. – Взгляд у офицера был пронзительный и холодный.

Внимательно изучив документ, флотский махнул рукой в сторону «Волги» и заявил:

– Прошу в машину.

– Куда мы направляемся, если не секрет? – спросил Глов, когда они расселись в «Волге».

Флотский офицер занял место рядом с водителем. Глов устроился на заднем сиденье, вместе с мужчиной в штатском. Судя по слегка оттопыренному пиджаку, тот имел при себе оружие.

– Никаких секретов, – буркнул кап-три. – В управление, к генералу Калитину.

«Оперативно работают, – оценил Глов. – Прямое указание Политбюро любую бюрократическую машину раскрутит на полную мощность».

К генералу его провели сразу же по приезде.

Тот сидел за двухтумбовым столом красного дерева и с кем-то бурно выяснял отношения по телефону:

– Я решаю серьезные государственные задачи. У меня нет времени заниматься вашими мелкими гешефтами.

Калитин махнул рукой, мол, присаживайся.

Глов робко уселся на край стула и сложил руки на коленях, как школьница. С начальством такого уровня он встречался впервые в жизни.

Генерал еще пару раз послал лесом невидимого собеседника, бросил трубку и уставился на посетителя.

Глов хотел встать и доложить, но Калитин остановил его взмахом руки и заявил:

– Знаю, что Глов, что капитан. Мне вообще известно про тебя больше, чем тебе самому. Я внимательно читал твое личное дело и слушал рассказы про твои выкрутасы в Афганистане. Отдохнул ты в Крыму неплохо. Пора и за дело.

Капитан чувствовал себя мальчишкой, обращение на «ты» и отеческий тон воспринимал как признак доверия. Это его слегка расслабило.

А генерал закурил папиросу, пустил в потолок кольцо дыма и продолжил:

– У наших друзей в Никарагуа сильно осложнилась политическая и военная обстановка. Последователи Сомосы мешают им строить социализм. Они активизировали диверсионную деятельность, начали нападать на наши военные базы. Товарищ Ортега, недавно посетивший Москву, попросил у нас помощи. Политбюро и правительством принято решение оказать поддержку товарищам из Никарагуа с целью ослабления позиций контраст. Но это политическая лирика, а теперь конкретика. Тебе, Глов, поручено возглавить группу для проведения диверсионной операции, а именно ликвидации крупного склада с вооружением на территории Гондураса. Работать будете автономно, в режиме строгой секретности и без прикрытия. Наши уши нигде не должны торчать. Напротив, вам придется обозначить ложный след, чтобы эта дивер-

сия была списана на какую-нибудь тамошнюю оппозицию. Высадка будет производиться с яхты под ложным флагом, подводным путем. Я в курсе, что ты сдал зачет на боевого пловца. Это и послужило решающим фактором твоего назначения. Плюс уверенное владение испанским. Сначала рассматривалась кандидатура майора Калбазова, но она была отвергнута именно из-за отсутствия подобного опыта. Да ты его знаешь, вместе воевали.

Начало операции через два месяца. Готовиться будете в пансионате Министерства обороны. Тут, недалеко, по Киевскому шоссе. Группа уже сформирована. Кроме тебя в ее состав входит пять человек. Они уже на базе. Курировать вас будет полковник Веретенников Александр Васильевич. Он тоже уже там, посвятит тебя в детали операции. Прибыть на базу ты должен завтра к девяти ноль-ноль. За тобой приедет машина. Место в нашей гостинице тебе забронировано. Пока отдыхай. Вопросы?

– Есть один. Могу я встретиться с майором Калбазовым?

– Можешь. Но не вводи его в курс дела, мол, сам не знаешь, куда тебя посылают. Еще вопросы? Вопросов нет. Удачи тебе!

Зазвонил телефон. Генерал взял трубку и махнул рукой, мол, свободен.

Готов встал, развернулся через левое плечо и покинул кабинет.

Стас вышел на улицу, быстро поймал такси и поехал к Калбазову на Коптевский бульвар. Тот, к счастью, оказался дома. Майор жил один – жена ушла от него к какому-то торгашу, пока он воевал в Афганистане.

– Здравствуй, Стас! Давно не виделись, – приветствовал его Калбазов. – Какими судьбами в Москве?

– Вызвали в управление. Посылают за периметр. Вместо тебя. – Готов настороженно посмотрел на майора.

– Не бери в голову, я особо и не рвался. Мне Афгана хватило выше головы. Тебе такие путешествия больше подходят. Ты же волк без привязи. Да что же мы стоим-то? Пошли на кухню, выпьем что-нибудь за встречу. Можешь не разуваться. У меня тут все равно жуткий бардак.

В Афгане рота спецназа, которой командовал Готов, была прикомандирована к мотострелковой дивизии с формулировкой «для специальных операций», но в прямое подчинение не отдана. Послать роту на задание можно было лишь по согласованию с ГРУ. Калбазов, тогда еще капитан, был заместителем Стаса.

У Глотов сразу же возникла неприязнь, какая-то ментальная несовместимость с командиром дивизии полковником Ермолаевым. Рота занималась ликвидацией верхушки моджахедов и зачисткой населенных пунктов. Полковник регулярно стучал на Глотову в политуправление армии, упрекал его в жестоком обращении с местным населением, но родная контора прикрывала капитана своим широким крылом. До поры до времени.

В этот раз они отправились в рейд для зачистки афганской деревни от боевиков, якобы по просьбе генерала Дустума. Там нарвались на засаду, с трудом отбились, а потом были эвакуированы на вертолетах. Оказалось, что бились со своими. Засаду устроила афганская служба безопасности под названием ХАД. Восемь убитых и пятнадцать раненых. Для спецназа ГРУ это были огромные потери. Разразился скандал, начали искать виноватых, а Глотову, от греха подальше, перевели в Балаклаву, на базу подводных лодок.

– Как ты думаешь, Ермолаев нас тогда подставил по умыслу или по глупости? – спросил Стас, когда они выпили по второй.

– По дурости, да еще и по пьяни, – ответил Калбазов. – Его сразу после тебя из Афгана убрали, а потом, говорят, вообще из армии попросили. Он пить начал шибко, и крыша окончательно съехала.

Готов еще с полчаса поговорил с сослуживцем о том о сем и вернулся в ведомственную гостиницу.

База

Машина проехала блокпост со шлагбаумом, раздвижные ворота и очутилась на территории базы. Она внешне походила на помещичью усадьбу, хотя и была вполне новой. Нашелся какой-то любитель старины в строительном управлении. Кроме жилых и вспомогательных помещений тут имелись спортзал, бассейн, полоса препятствий и стрелковый тир в подвале.

Глотова встретил комендант в чине майора, показал ему комнату и предупредил, чтобы тот в двенадцать ноль-ноль прибыл в столовую для знакомства с личным составом.

Большая и светлая комната была хорошо меблирована, с ванной и туалетом. На стене висел портрет одноглазого фельдмаршала Кутузова при полном параде. На прикроватной тумбочке стоял телефон для внутренней связи, о чем гласила бумажка, наклеенная на него. Городского аппарата тут не было.

Глотов разобрал свой скудный багаж и отправился в ванную. Комендант предупредил его, что форму здесь носить не обязательно. В шкафу есть гражданская одежда нужного размера.

Помывшись, Стас натянул шерстяной спортивный костюм, надел кеды и спустился вниз, в столовую. Там уже находились полковник Веретенников и пятеро бойцов в таких же, как у него, спортивных костюмах. Это была его группа.

Среди присутствующих Глотов с удивлением обнаружил Шебзухова и Корнелюка. С остальными он знаком не был.

Все парни имели одну общую особенность – неславянскую внешность. Черноволосые, смуглые, с длинными носами и карими глазами.

«Ну да, нетрудно догадаться, – прикинул Глотов. – Все по сценарию. Ведь мы же все типа испанцы, разбавленные индейцами».

Стас хотел доложиться по форме, но Веретенников его остановил.

Навскидку полковнику было около пятидесяти. Мужчина крупный, подтянутый, жилистый. Виски подернуты сединой.

– Здесь нет уставных отношений, но это не касается дисциплины, – заявил он. – Тут мы одна семья, где есть старшие и младшие. А старших надо слушаться. Давайте знакомиться. Это командир группы, капитан Станислав Глотов, спецназ ГРУ, воевал в Афганистане, награжден двумя орденами Красной Звезды. Остальных прошу представиться.

– Сыроян Ашот Самвелович, спецназ ГРУ, старший лейтенант, подразделение «Дельфин».

– Грошев Алексей Валерианович, спецназ ГРУ, лейтенант, подразделение «Вымпел».

– Берман Георгий Борисович, спецназ ГРУ, старший лейтенант, подразделение «Дельфин». Не женат и не собираюсь.

– Этим мне представлять не надо. – Глотов кивнул в сторону Шебзухова и Корнелюка. – Это мои. Раздолбай, каких свет не видывал, но кое-что умеют.

Все дружно засмеялись. Напряжение спало.

Веретенников вновь взял слово:

– Ну так вот, товарищи бандиты, диверсанты и прочие террористы. Здесь вы пройдете двухмесячный курс обучения по ряду предметов, чтобы хорошо ориентироваться в специфике стран Карибского бассейна. Там вам не тут. В качестве диверсантов вы и так прилично подготовлены, но план операции предполагает, что вы должны стать еще и шпионами. И ничего смешного в этом нет. Посерьезней, Шебзухов! Пароли, явки, слежка, обрубание хвостов, адаптация и легализация в незнакомом городе, испанский язык – особо важный предмет, работа с агентурой и все такое прочее. Кроме того, вы должны иметь представление о местной флоре и фауне, обычаях аборигенов, правилах поведения в местах общего пользования типа рынков

и питейных заведений, этикете, тамошней манере знакомства с женщинами, чтобы тут же не получить пощечину или удар сумкой по голове.

– Да пусть бьют, лишь бы давали, – встрял в монолог Берман.

– Тебе обязательно дадут, догонят и добавят, – не преминул вставить свои пять копеек

Шебзухов.

Веретенников проигнорировал комментарии бойцов и продолжил:

– Само собой, стрелковая подготовка, тренировки в бассейне, чтоб не разучились, рукопашный бой – это к Глотову. Далее по списку. Ну вот, собственно, и все. Остальное узнаете от наставников по соответствующим дисциплинам. Первое занятие провожу я. Завтра в девять ноль-ноль. Доведу до вас суть и детали предстоящей операции. Расписание занятий и режим дня возьмете у коменданта. А сейчас общайтесь, сплывайтесь. Вы должны ощущать себя единым организмом. С личными вопросами обращайтесь к капитану Глотову. У меня пока все. Успехов вам. – Веретенников покинул столовую.

Бойцы некоторое время молча рассматривали друг друга.

Первым заговорил Берман:

– Пива здесь нет, женщин тоже, а напитки есть в холодильнике. Я уже разведал. А пожрать нам дадут через час.

Все немедленно воспользовались информацией, полученной от Жоры. На столах появились бутылки «Байкала», «Фанты» и лимонада под названием «Буратино».

– А это что такое? – спросил Глов, вертя в руках незнакомый напиток.

– Это «Миринда», – пояснил Грошев. – Мы ею в спортивном комплексе упивались во время соревнований по дзюдо. Как раз перед Олимпиадой. Нормальное питье.

– Никогда не видел. Попробую. – Стас щелчком сшиб с бутылки пробку, осторожно отхлебнул и одобрительно цокнул языком. – Вы все поняли, никакого официоза, – сказал он и опять приложился к горлышку бутылки. – Обращаться друг к другу на «ты» и не по именам и фамилиям, только по позывным или псевдонимам. Как хотите, так сами себя и называйте. Это соблюдение режима секретности. Мы в разные ситуации можем попасть. Очень важно не светиться и не расчехляться, чтобы потом не сгореть. Псевдонимы мы должны придумать сами. Какие есть мысли по этому поводу?

Бойцы на некоторое время примолкли.

Потом оригинальной идеей разродился Жора:

– А что? Нас ведь в Карибский бассейн направляют? Пираты Карибского моря, флибустьеры, корсары, приватиры под парусом тугим. Приготовить абордажные крючья! Барбадос, Кумана, Ямайка, Порт-Рояль. Я об этом в детстве начитался, поэтому и пошел во флот. Я вот согласен на Моргана. У него потомки шибко разбогатели, может, и мои так же приподнимутся.

Такое соображение поддержали все и начали вспоминать имена знаменитых пиратов. Шебзухов обозвал себя Флинттом, Сыроян – Дрейком, Грошев – Боннетом, а Корнелюк – Кидом.

Все в ожидании смотрели на Глотова, который пока помалкивал.

– А ты, командир, кем будешь? – спросил Корнелюк.

– А тут и думать нечего, – сказал Шебзухов. – Капитан Блад.

– Принято. – Глов согласно кивнул. – Короче, завтра к девяти на занятия, а сегодня гуляйте, как хотите. Здесь есть телевизор, бильярд, настольный теннис, гантели, полоса препятствий и прочие досужие развлечения.

На следующий день начались занятия по ряду дисциплин. Жизнь бойцов превратилась в самую настоящую полосу препятствий.

Выглядело и звучало это примерно так:

– Цель предстоящей операции – уничтожение склада вооружений контрабанды в Гондурасе, недалеко от города Барра. Подробные карты побережья и города у нас имеются, а по террито-

рии базы со складом – только кроки. Это уточните на месте посредством агентуры и собственных исследований. Карты со всеми названиями вы должны отпечатать в мозгах как таблицу умножения. Изучайте их каждый день. Хоть сидючи на толчке...

– Я буду преподавать вам испанский язык по ускоренной и концентрированной методике, разработанной по заказу КГБ. Старайтесь общаться между собой по-испански, в своих апартаментах, включая ванную и туалет, повесьте плакатики с испанскими словами и выражениями. Я буду выдавать их каждый день, в зависимости от темы занятий. Каждому дадим магнитофон с записями, включающими в себя местный сленг, музыку, фольклор и много еще чего. Итак, начинаем. *Buenos días, los señores. El español una de las lenguas más principales en el mundo...*

– Полная темнота. Табуретка такая высокая, что ноги не достают до пола. На голове стакан с водой. Малейшее движение, и он упадет. Никаких чиханий и покашливаний. Акустические датчики всё регистрируют. Раньше были тренировки на выдержку, но не такие жесткие. Хочется попить и одновременно помочиться. Помочиться можно – памперсы на месте, а вот попить, это вряд ли. Сколько времени прошло? В прошлый раз вы не продержались и двух часов. Мало!..

– При встрече с агентом меньше говорите, больше слушайте, направляйте разговор в нужное русло. При этом внимательно наблюдайте за движением зрачков, жестами, вазомоторами, степенью потливости. Соответствуют ли эти признаки произносимому тексту? Если вы находитесь в общественном месте, то обращайтесь внимание на окружение. Не испытывает ли к вам кто-либо какого-нибудь интереса?..

– Стрельба с двух рук по движущимся мишеням. Два выстрела, кувырок, еще два выстрела, бросок в сторону, еще два выстрела. Сегодня уже лучше, чем вчера...

– На десять квадратных километров этого леса приходится семьсот пятьдесят видов деревьев и тысяча пятьсот видов цветов. Он настолько густой, что передвигаться по нему чрезвычайно трудно. Характерным растением для тропического леса является сейба. Лес в этой части материка может достигать высоты более ста метров и распределяться на двенадцать уровней...

– Сегодня будем сдавать зачет по выдержке под водой. Зачетное время – не меньше трех минут. Для вас это не проблема, но надо соблюсти формальности и исключить случайности. А вдруг кто-то заимел скрытую саркому легких? Шутка. Время отсчитывайте сами. Кто первый? Желających нет. Значит, Флинт...

– *El tema de la ocupación de hoy – los sustantivos verbales...*

– При разговоре с агентом смотрите ему в область переносицы, чтобы исключить ментальное воздействие...

– Пулемет М-60 за недостатки конструкции и внешний вид получил прозвище свинья. Вот, посмотрите сами. Похож на свинью? Дистанция эффективной стрельбы составляет пятьсот метров...

– Флинт и Дрейк, на татами! Отрабатываем удары «клювом» по болевым точкам...

– Вы должны переодеться в гидрокостюмы, включая компенсаторы плавучести, и надеть акваланги, ни разу не выныривая. Вперед!..

Учебный конвейер набирал обороты.

Как-то вечером Глотов заглянул в комнату отдыха и обнаружил там всю команду, вперившуюся в экран телевизора.

– Многосерийный фильм какой-нибудь? – поинтересовался Стас.

– Еще то кино! – подал голос Морган. – Черненко дуба дал. Теперь Генеральный секретарь у нас Михаил Сергеевич Горбачев.

– Это хорошо или плохо? – Глову было абсолютно наплевать на то, кто стоит во главе КПСС, хоть он и носил у сердца партийный билет.

– А хрен его знает. – Морган пожал плечами. – Этот помоложе. Молодым везде у нас дорога.

- А чего вы так в телевизор устались?
- Так многосерийка начнется сразу после новостей.

Тест на выживание

В конце учебного марафона бойцы сдавали зачет по выживанию в незнакомом городе.

– Теоретический курс вы прошли полностью. Теперь необходимо проверить ваши способности к адаптации и легализации в практическом плане. Зачет будете сдавать в столице нашей Родины, городе-герое Москве. Это не Тегусигальпа и не Сан-Педро-Сула, но других возможностей у нас не имеется, – сказал им полковник Веретенников.

Глотову, который капитан Блад, зачет он поставил автоматом, зная его афганское прошлое. А остальным огласил условия. Программа минимум – устроиться на ночлег и раздобыть сто рублей. У знакомых, друзей, родственников и в милиции ночевать нельзя. Надо предоставить хоть какие-то доказательства о месте ночлега. Программа максимум – легализоваться любым способом. Результаты оцениваются по пятибалльной системе. Члены группы надели дешевенькие сорокарублевые костюмчики, получили по червонцу и были высажены в различных районах города с пожеланием удачи.

Зачет сдали все, но с разными результатами.

Первым на базу вернулся Алексей Грошев, который Боннет, что было неудивительно для жителя ближайшего Подмосковья. Ему столица вовсе не была чужой.

Он отыскал наставника по выживанию и куратора, а потом выложил на стол удостоверение, которое гласило:

«Начальникам аэропортов, железнодорожных вокзалов, гостиниц, воинских частей, комендатур оказывать всяческое содействие представителю Министерства обороны».

Печать Министерства среднего машиностроения, подпись, фото соответствует.

– И где же ты умудрился такой фальшак слепить? – спросил куратор, удивленно вздернув брови.

– А это вовсе и не фальшак. – Грошев ехидно усмехнулся и пояснил – Слепил в Минсредьмаше. Печать налицо. Я действительно являюсь представителем Министерства обороны. Разве не так? А вот кто помог, не скажу. Зачем товарища подставлять?! Он знал, где я служу, поэтому поверил, что мы сдаем такой вот своеобразный зачет, и быстренько сделал мне удостоверение. Есть одно условие. Я должен вернуть документ по окончании этого спектакля. – Офицер вновь улыбнулся.

– Шутник. Засунуть бы тебя куда-нибудь в Могадишо, – сказал куратор. – Без денег и документов. Там бы с тобой шутить начали с первой минуты. Ладно. Давай дальше.

– А дальше все просто. Пришел я в бригаду ПВО, показал ксиву, меня тут же поселили в офицерскую гостиницу и поставили на довольствие. – Он выложил на стол сторублевку. – А деньги мне дали взаймы офицеры из части. Они скинулись и поддержали меня материально. Надо будет им выслать переводом.

– Вышлем, – сказал куратор.

– Пять баллов, – резюмировал наставник.

– Иди, отдыхай, – добавил куратор.

Следующим приехал Сыроян, который Дрейк. Серебристая «Волга» подкатила прямо к блокпосту со шлагбаумом. Он предъявил справку из отделения милиции о том, что Сыроян Ашот Самвелович был ограблен в городе Москва. Далее следовали реквизиты паспорта, включая место прописки. А в конце справки написано, что она действительна в течение двух недель и является заменой паспорта.

– Все чудесатее и чудесатее, – с усмешкой изрек куратор известную фразу. – Как тебе это удалось? В милиции ведь на слово не поверят.

– Так они проверили, и все сошлось. У меня есть товарищ в Ереване – тезка по всем параметрам. В Армении полно Ашотов и Самвелов. Я, не мудрствуя лукаво, пришел в бли-

жайшее отделение милиции и рассказал про свою беду. Назвал имя и адрес по прописке. Сказал, что номер паспорта не помню. Они сделали запрос по ЦАБу, и через четыре часа пришло подтверждение.

– Теперь деньги и жилье, – напомнил куратор.

– Смешной вопрос. Чтобы армянин не смог добыть сто рублей! Пошел я на рынок, нашел земляков, показал справку из ментовки. Мне тут же выдали пятьсот рублей, я снял комнату прямо возле рынка – вот расписка, пообедал в ресторане, а потом земляки меня отвезли, куда попросил.

– Зачет сдан. Пять баллов, – сказал наставник.

Под утро явился Жора Берман, который Морган, слегка помятый, но довольный, и предъявил паспорт на имя Сорокина Ивана Петровича с собственной фотографией.

Куратор внимательно изучил документ и не заметил никаких подчисток.

– Ловко сработано, – с усмешкой сказал он. – Ты бы еще партбилет притащил для пущей достоверности. Да только со своей ярко выраженной еврейской мордой на Ивана Петровича ты никак не тянешь. Ну да ладно. Иваны Петровичи тоже всякие бывают. Остальное?..

Жора деловито вывалил на стол гору мелких купюр и горсть мелочи. Набралось сто тридцать два рубля сорок восемь копеек.

– Пришлось вспомнить хулиганскую одесскую молодость. Ширманул я в трамвае лопатник у одного терпилы, потом подрезал сумочку у гражданки в автобусе и сразу двинул на Курский вокзал. Побалакал там с одним бродягой по фене, он меня и вывел на нужных людей. Они, не задавая лишних вопросов, сварганили мне этот паспорт за пару сотен и гарантировали, что документ надежный, потому что этот Иван Петрович зарыт где-то в лесах Подмосковья без могилки и креста. Парень я видный, прямо на вокзале снял барышню, которая меня приютила, накормила и спать уложила. Рядом с собой. Чтобы доказать этот факт, я ее паспорт прихватил, когда сматывался по-английски, не прощаясь. Вот он. Надо будет вернуть. Девка душевная, ни в чем не виноватая. – Жора достал еще один паспорт.

– Пять баллов минус один за криминальную составляющую. Итого четыре, – с усмешкой проговорил наставник.

– Феерично! – оценил работу Моргана куратор. – Прямо Бенья Крик.

Шебзухов, который Флинт, объявился вечером следующего дня, обнаружил наставника в столовой за ужином и прямо там выложил перед ним сто рублей десятками вместе с распиской, накарябанной корявым почерком на тетрадном листе в клеточку.

Наставник почитал расписку, посмотрел в глаза Флинту и проговорил:

– Легализоваться ты не смог, но денег достал и нашел ночлег. Трояк. Но ты не огорчайся, Володя. Это допустимо. Рассказывай.

И Флинт поведал свою историю:

– Меня высадили на трех вокзалах. Я не имел абсолютно никакого плана и решил импровизировать. Договорился с проводницей, наплел ей с три короба, дал червонец, и она посадила меня в купе на скорый поезд до Ярославля. На следующий день этот состав должен был вернуться обратно. Я подумал, что если в поезде что-либо не раздобуду, то в Ярославле время будет. Прошелся по вагону, вижу, в одном купе в классический преферанс гоняют под пивко. Трое. Еще там была тетка. Я с ней договорился поменяться местами. Ее не устраивала эта компания, а я в нее мигом вписался. Играли мы немелко – по рублю вист. Я с первой пули поднял тридцатку. Двое продулись и хотели отыграться. Тут я и предложил увеличить ставку до трех рублей за вист. Ребята явно не бедные и тут же согласились. Азарт их обуял, а вот играли они слабовато. Короче, ближе к Ярославлю я уже имел в кармане больше сотни. Но они особо не обиделись, мол, получили удовольствие. Сделали хорошую мину при плохой игре.

Потом я погулял по городу, пока поезд в отстойнике находился, пообедал и уехал назад с той же проводницей. Сунул я ей еще червонец и попросил ее написать эту расписку. Мол, очень нужно. Она не возражала. Вот, собственно, и все.

Легче всего результата добился Корнелюк, который Кид. Ему откровенно повезло. Он гулял по центру столицы нашей Родины, возле ГУМа нашел золотое кольцо с изумрудом, прошел до Трубной площади и толкнул цацку какому-то таксисту за три сотни. Потом, не утруждая себя излишними раздумьями, Корнелюк доехал на метро до Таганки и попросился ночевать в Андроньевский монастырь. При этом он продемонстрировал неплохое знание Библии – бабушка в детстве вдалбливала. На следующий день офицер вместе с монахами разгрузил ящики с едой, потрапезничал рыбой и кагором, получил иконку на память и отправился восwo-яси.

– Я же не виноват. Так уж получилось, – проговорил Кид, демонстрируя эту самую иконку. – Не буду же я специально искать сложности на свою голову.

– Неубедительные три балла, – резюмировал наставник. – Но все по правилам – ничего тут не попишешь. Ловите миг удачи.

Куба

Двухмесячный срок, отведенный для подготовки личного состава, подходил к концу. Бойцы так привыкли к информационным и физическим нагрузкам, что когда им был предоставлен выходной, они не знали, куда себя деть, и бессмысленно мотались по территории базы.

За это время Глотов получил несколько писем от Даши, отправленных на какой-то подставной адрес с последующей доставкой посылками.

После сборов Веретенников провел заключительный инструктаж.

– Для начала вы полетите в Гавану в составе экологической делегации, – заявил он. – Саммит у них там какой-то по экологии. Делегатов сопровождает куратор из КГБ. Он знает о вашей ведомственной принадлежности и не более того. Его задача – переправить вас в Сантьяго и посадить на яхту «Глория». Он вас и прикроет, если что. С делегатами в разговоры старайтесь не вступать, разве что на общие темы. Из вас экологи, как из меня фотомодель. Яхтой управляет кубинская команда. Капитана зовут Диего Сирена. По легенде, они сбежали от проклятого тирана Кастро в Панаму – у них у всех панамские паспорта. Вам выдадут такие же по прибытии на корабль. Свои фальшивые советские сразу же уничтожьте. Как тебя зовут? – Этот неожиданный вопрос был задан Корнелюку.

– Богдан Николаевич Головкин, – не задумываясь выпалил тот.

– А тебя? – Полковник посмотрел на Шебзухова.

– Бараев Ахмат Маликович, – ответил Флинт.

– Все правильно.

Веретенников продолжил инструктаж:

– На яхте находится наш человек, майор Самсонов. Там он Майкл Стокс, хозяин этой посудины, гражданин Канады. Для справки. Яхта была национализирована сразу же после свержения Батисты, ныне она принадлежит кубинским спецслужбам и используется для шпионских нужд. Самсонов тоже имеет ограниченную информацию о предстоящей операции. Его задача – обеспечить высадку, отход и связь с центром. В качестве obsługi, но больше для бутафории в команде присутствуют две девушки-кубинки. Барышни симпатичные и доступные, но особо не наглейте. В Карибском море интенсивное движение и куча любопытных глаз. Изображайте богатых разгильдяев, друзей Майкла, которые решили расслабиться в теплой компании, вволю попить виски и повалить девочек. Импровизируйте как хотите. В общении используйте псевдонимы. Говорите только по-испански. Порядок и место высадки вам определит Самсонов. Он хорошо знает эти места и тамошние реалии. Насчет агентуры вас просветит при необходимости капитан Глотов, то есть Блад. Он в курсе. И главное! Никто, ни при каких обстоятельствах не должен узнать ваши настоящие имена, принадлежность и предназначение. Зарубите это себе на носу и вбейте намертво в мозги. Вас там нет и не было. Вы призраки, не оставляющие за собой никаких следов. Все меня поняли? Вот и хорошо. «Узик» уже здесь. Давайте прощаться. Надеюсь, что еще увидимся.

Простившись с куратором, команда отправилась на выход. Господа офицеры пребывали в радостном возбуждении. Учеба позади, впереди неизвестность. Да еще эта яхта, круиз по Карибскому морю. Блеск! А что потом? Поживем, увидим.

Время сжалось в комок и сулило в ближайшем будущем удивительные и опасные приключения.

Приготовить абордажные крючья!

Полет до Кубы прошел спокойно, если не считать приставаний назойливой дамочки лет тридцати, кандидата биологических наук. Она угнездилась в соседнем кресле и упорно пыталась втянуть Глотова в дискуссию по проблемам Байкальского лесоперерабатывающего комби-

ната. Эта особа сетовала на отсутствие системы очистки. Мол, сбрасывают эти безответственные люди в реликтовое озеро черт знает что, а рыбадохнет.

– Что вы думаете по этому поводу? – спросила дамочка и пронзительно взглянула на Глотова сквозь толстые линзы очков.

– Я считаю, что надо непременно и настойчиво внедрять системы очистки, – глубокомысленно изрек Стас и при этом подумал: «А ведь она совсем плохо видит. Ей бы своими глазами лучше обеспокоиться».

– А вы сами какую область представляете? – не унималась соседка.

– Я озабочен проблемой амурских тигров, – ляпнул Глотов первое, что пришло ему в голову, и тут же поплатился за свое легкомыслие.

– Это очень интересно! – воскликнула дамочка. – Я совсем не ориентируюсь в этой теме. Расскажите подробнее.

– Непременно расскажу, но сначала давайте закончим с Байкалом. У вас есть конкретный план по ликвидации данной проблемы?

Дамочка нарисовала целую программу по модификации очистных сооружений, озвучила размеры финансирования по отдельным статьям. Она, слава богу, совершенно забыла про амурских тигров, упивалась собственной речью, говорила без умолку, пока стюардесса не привезла тележку с едой.

Соседка с аппетитом поглотила обед и тут же задремала.

«А ведь на таких энтузиастах вся страна держится. Главное, чтобы этот энтузиазм был направлен в нужную сторону. Только какое отношение имеет лесопереработка к кубинским реалиям?» – подумал Стас.

Перед самой посадкой дамочка продрала глаза и предложила Глотову продолжить эту интересную дискуссию в иной, более приватной обстановке.

Она бросила на него многообещающий взгляд и проговорила:

– В прошлый раз нас разместили в отеле «Плаза». Замечательное место, не то что наши гостиницы. Там очень даже прилично кормят. Вот за ужином и поговорим. А вы раньше не бывали на Кубе?

– Нет, никогда.

Но не было ни «Плазы», ни ужина, ни разговоров. Куратор из КГБ отделил группу от делегации сразу же в аэропорту и перепоручил их кубинцу с большими полномочиями по имени Альберто. Тот в нужный момент доставал удостоверение, и до Сантьяго они добрались без всяких задержек.

– А вы прекрасно говорите по-испански, – заметил Альберто, сидя рядом с Глотовым в микроавтобусе. – Только выговор у вас не местный. Вы из Мадрида?

– Нет, но моя мать родилась именно там.

Яхта «Глория»

В порту группу встретил капитан яхты, усатый мужчина средних лет в белом кителе с золотистыми пуговицами, черных клешах и фуражке с буквой «G» на тулье. Среди полуголой портовой публики он выглядел как альбатрос в окружении стаи галок.

Альберто перебросился с ним парой фраз и удалился. Он свою миссию выполнил.

Тут же крутились две смуглокожие девицы модельной внешности, одетые в одинаковые белые туники, едва достигающие до середины бедра. Бойцы, давно уже лишённые женского общества, с вожделием созерцали точёные ноги красавиц, и девушкам это явно нравилось. Офицеры успели переодеться в шорты и футболки с легкомысленными надписями и выглядели как компания беззаботных туристов.

Капитан отдал честь и поздоровался за руку со всеми своими гостями.

– Я капитан яхты «Глория» Диего Сирена, – представился он, указал на девиц и добавил: – А это наш обслуживающий персонал, Мила и Джулия.

Девушки приветливо заулыбались, бойцы тоже. У них были свои соображения по поводу обслуживания.

– А я старший группы капитан Блад, – представился Глотов.

– Это что, юмор такой? – со смехом спросила Джулия.

– Какой уж тут юмор! Мы договорились с друзьями обращаться друг к другу исключительно по прозвищам. А кто нарушит, тот выплатит огромный штраф. – Он махнул рукой в сторону улыбающихся бойцов. – Это Флинт, Дрейк, Боннет, Морган и Кид – полный набор знаменитых пиратов Карибского моря.

Все дружно засмеялись.

«Интересное кино получается, – подумал Глотов. – Все очень весело и здорово. Можно подумать, что мы на самом деле в круиз собрались. Впрочем, это и к лучшему, лишь бы сильно не входить в роль, а то потом придется с болью стряхивать ее с себя».

– Надо бы отметить ваше прибытие, – с улыбкой предложил капитан яхты. – Уж чего-чего, а выпивки у нас навалом.

– Обязательно отметим, – сказал Глотов и с усмешкой посмотрел на бойцов.

В группе соблюдался строгий сухой закон.

– Я хотел бы поговорить с хозяином корабля, мистером Стоксом, – заявил Стас.

– Он уже идет. – Сирена указал на крупного мужчину в помятых шортах мышинного цвета и расстегнутой жилетке, приближавшегося к ним расхлябанной походкой.

Он имел отчетливо англосаксонскую внешность: рыжая, слегка отросшая шевелюра, голубые глаза с хищным прищуром и прямой аристократический нос.

– Привет доблестным разгильдяям. Прощу на борт. Багаж прибывает завтра, – сказал мистер Стокс, обменялся взглядами с Готовым и двинулся к причалу.

Глотов усмехнулся, услышав про багаж. Они прилетели сюда с ручной кладью весом в пару килограммов.

Яхта «Глория» выглядела шикарно. Вытянутый корпус серебристого цвета манил в неизведанные дали, а золотистая надпись «Gloria» вдоль борта настраивала на победу. Яхта имела в длину около пятидесяти метров при десяти в ширину. Двухэтажная палубная надстройка включала в себя капитанскую рубку и банкетный зал. На втором этаже располагалась открытая палуба. В носовой части находился бассейн приличного размера.

Позднее Глотов узнал, что предусмотрена возможность десантироваться под воду прямо из этого бассейна.

«Ну и сукины сыны эти кубинцы!» – подумал он.

Стас зашел в каюту Самсонова.

– Привет, Майкл.

– Привет, Блад. Как устроился? – Самсонов восседал на кожаном диване за столом из красного дерева и сосал через трубочку какое-то местное пойло.

– Комфортно. Всю жизнь бы так. – Глотов присел рядом. – Поговорим?

– Поговорим, но сначала вот это... – Самсонов встал, открыл сейф, вмонтированный в стену, выложил на стол пачку паспортов и накрыл их несколькими листами бумаги с отпечатанным текстом. – Паспорта граждан Панамы, а это легенды, для каждого своя, так сказать, подробности биографий. Знать как «Отче наш». Собери у всех советский фальшак и сожги в машинном отделении вместе с легендами, после того как выучат.

– Это понятно. А девки тут для бутафории? – поинтересовался Стас. – А то мои орлы их просто пожирают голодными взглядами.

– И для бутафории тоже. – Самсонов достал из холодильника бутылку с апельсиновым соком, передал Глотову и указал на стеклянный бокал. – Здесь, на Кубе с социалистической моралью все намного проще. Девочки не откажут, если кто им понравится. А у тебя все парни о-го-го! Так что...

– Кроме девок и капитана кто еще с нами? – спросил Глотов и сделал глоток прямо из бутылки.

– Четверо матросов, боцман и штурман. Все военные моряки, прошедшие жесткую проверку. Знают, кто вы есть и куда вас надо доставить. И все.

– Оружие и оборудование?

– Часть уже на борту, остальное прибудет завтра. После погрузки сразу же отчаливаем. В грузовом отсеке увидишь зеленые ящики. Всё там. Разбирайтесь. Еще что-нибудь? – Самсонов уперся взглядом в зрачки Стаса.

– Мне нужно разобраться с особенностями географии побережья и посмотреть подробный план высадки, – сказал Глотов, не отводя глаз от Самсонова.

Этот человек ему сразу же понравился своей флегматичной обстоятельностью.

«Мы с ним явно сработаемся», – решил он.

– Разберемся в пути, – сказал Майкл.

– А сколько туда ходу?

– Двое суток. Может, трое. Это в зависимости от погоды и обстоятельств.

– Каких еще обстоятельств?

– Всяких, – неопределенно сказал Майкл.

Глотов не стал уточнять про всякие обстоятельства и отправился разбираться с группой. Бойцы уже расположились в банкетном зале и бурно общались с девицами.

«Эти не промахнутся», – подумал Глотов и скомандовал:

– Все ко мне в каюту!

Пираты

Яхта «Глория» под панамским флагом рассекала карибские волны как некая диковинная, серебристая рыбина, возжелавшая прогуляться по поверхности моря. Остров Куба растворился за горизонтом. Впереди маячила неизвестность, которая манила и пугала одновременно.

Возле бассейна в шезлонге полулежал Флинт, потягивая ананасовый сок из высокого бокала, Дрейк бултыхался в воде. Когда мимо проходил корабль, кубинки в голубых, совершенно одинаковых бикини выскакивали на палубу и отыгрывали заранее оговоренную мизансцену. Они прыгали, размахивали руками, кричали, приветствуя мореплавателей. Те отвечали, вооружались биноклями и завидовали сибаритствующим плейбоям, прожигающим жизнь в праздном безделье в окружении податливых красоток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.